

Поляков Евгений Михайлович

кандидат политических наук,
преподаватель кафедры социологии
и политологии
Воронежского государственного университета
dom-hors@mail.ru

Polyakov Evgeniy Mikhaylovich

PhD in Political Science, Lecturer of
the Social and Political Sciences Department,
Voronezh State University
dom-hors@mail.ru

**НАСИЛИЕ
КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ**

**VIOLENCE
AS A SOCIAL INSTITUTION**

Аннотация:

В статье рассмотрена роль насилия как социального института и его различных форм. Основное внимание уделено генезису, роли и причинам манифестации насилия в обществах разных типов.

Ключевые слова:

насилие, социальный порядок, терроризм.

The summary:

The article deals with the role of violence as a social institution and its various forms. The author discusses genesis, role and reasons of the violence manifestation in the societies of different types.

Keywords:

violence, social order, terrorism.

В данной статье речь пойдет об институте насилия и его конструирующей роли в обществе, столь незаслуженно игнорируемой многими исследователями. Прежде, чем перейти к анализу феномена насилия, способов его манифестации и функциональном назначении в обществах разных типов, определимся с основными категориями.

Одним из самых часто используемых и трудно операционализируемых понятий в социологии выступает социальный институт. Существует множество определений этой категории, зависящих научного подхода, которого придерживается автор. Например, Н. Смелзер считает, что «институтом является совокупность ролей и статусов, предназначенная для удовлетворения определенной социальной потребности» [1, с. 79]. В рамках информационного подхода институт рассматривают как «специфическое знание, которое выработано многими поколениями людей, усвоено ныне живущим поколением и содержит рекомендуемые нормы поведения» [2, с. 11]. Рассмотрение институтов в функциональном ключе предполагает, что всякий социальный институт складывается как устойчивая структура, выполняющая определенные функции – социальные действия. По этому подходу, социальный институт есть «объединение людей, выполняющих специфические функции по удовлетворению общих потребностей» [3, с. 68].

Рассмотренные определения демонстрируют, что в социологии в явной или скрытой форме институт понимается как нечто, связанное с действием, деятельностью, поведением, ролью, т. е. с теми аспектами социальной реальности, которые предполагают, с одной стороны, наличие цели и контроля, а с другой – длительность и воспроизводство во времени. Функциональное назначение институтов заключается в «использовании ресурсов общества в формах интеракции ради удовлетворения той или иной социальной потребности и стабилизации деятельности людей, путем сведения ее к более или менее предсказуемым образцам социальных ролей» [4, с. 81]. Это характерно для всех традиционных институтов: семьи, образования, церкви и т. д. Но в социальном устройстве общества есть еще один важный институт, который как раз обеспечивает разные формы интеракции и стабилизацию деятельности. Имя ему – насилие. Это особенный институт, незаслуженно игнорируемый большинством социологов.

Незаслуженно потому, что разные институты на протяжении истории человечества возникали и отмирали (например, разные формы брака) или меняли свое содержание (например, собственность). И только насилие как институт, возникнув еще в архаических обществах, сохранилось в практически неизменном виде до наших дней. Игнорируемый потому, что в собственно социологических исследованиях насилие либо не рассматривается вообще, так как трактуется как патология, либо рассматривается как частный случай девиантного поведения (преступления, связанные с физическим насилием), либо рассматривается через призму конфликтологической парадигмы.

Хотя мы привыкли связывать насилие с преступлениями, терактами и войнами, в структуре насилия мы можем выделить три уровня – это «символическое» насилие, воплощенное в языке и привычных речевых формах; «субъективное» насилие, воспринимаемое нами на основе личного опыта и особенностей мышления (попутно отметим, что вообще все институты не существуют сами по себе, но сами являются во многом следствием мышления человека, особых ментальных моделей), и «системное насилие», возникающее вследствие определенной организации самого социума. Разумеется, наиболее опасным уровнем проявления насилия в наши дни является системное. Речь здесь идет не только о прямом физическом насилии, но и более тонких формах принуждения, которые поддерживают отношения господства и эксплуатации, включая угрозу насилия [5, с. 5–12].

Интересный взгляд на институционализацию насилия предлагает нобелевский лауреат Дуглас Норт. По его мнению, «институты – это «правила игры», структура взаимодействия, которая управляет и ограничивает отношения индивидов» [6, р. 3–4]. Институты включают в себя формальные правила, формальные социальные соглашения, неформальные нормы поведения, писанные законы, а также *убеждения о мире* и средства принуждения к исполнению этих правил и норм. Институты также структурируют способ формирования у индивидов убеждений и мнений о поведении других людей. Одни и те же институты приводят к разным результатам, в зависимости от контекста. Насилие как социальный институт проявляется в разных измерениях и может быть выражено в физических действиях или угрозах совершения физических действий. И акты насилия, и принуждение являются элементами насилия. В другом измерении насилие может быть действием одного человека или действием организованных групп – от банд до армий.

Управление насилием при помощи повторяющихся личных контактов может поддерживать формирование только небольших групп людей, возможно состоящих из 25–50 индивидов. В более крупных группах ни один индивид не обладает личным знанием обо всех членах группы или общества, и потому сами по себе личные отношения не могут быть использованы для контроля над насилием. Во всяком случае, есть исследования, свидетельствующие в пользу этого предположения [7, р. 205–232].

Для архаического общества большой размер был труднодостижим: личные контакты не могли быть скрепляющим обществом элементом и для преодоления ограничения необходим был особый институт. Судя по всему, им и стало насилие. Уже в 1980-е гг. был опубликован ряд научных работ, показавший, что до сих пор у многих племен специальным образом регулируемое насилие позволяет расширять численность сообщества за счет приема в него новых членов извне и усиливать внутригрупповые связи.

Этнографические и антропологические данные позволяют предположить, что частота применения насилия (по крайней мере, в качестве наказания) в примитивных сообществах и небольших группах довольно высока. Было отмечено, что прямое насилие часто является неприемлемым и вместо него используется изоляция [8, р. 624–636]. Важным является и то обстоятельство, что примитивные племена и вождества, прежде чем превратятся в государства, должны обзавестись идеологией. Она способствует социаль-

ной эволюции и развитию сложных социальных систем, которое невозможно без *контроля над доступом* к властным ресурсам [9, р. 637–640].

Этот контроль достигается следующим образом. Во-первых, в простых обществах характер насилия часто отличается от насилия в обществах, организованных по племенному принципу. Во-вторых, в эгалитарных сообществах насилие может быть ограничено, но только в отношении *своих членов*, что означает частое применение его к иноплеменникам (например, в случае нарушения ими религиозных запретов и табу). В-третьих, насилие представлено в основном убийствами (в том числе, ритуальными). Случаи избиений, отъема собственности или грабежей практически нет, равно как низка и доля самоубийств [10, р. 461–476]. Конечно, в столь простых обществах властные ресурсы связаны не с персональными характеристиками индивида, а с его принадлежностью к той или иной группе. Соответственно, определяющую роль играют половозрастные характеристики, место жительства, род занятий и кровные связи. Постепенно в истории человечества эти черты замещались профессионализмом, лидерскими качествами, компетентностью и т. д.

Показательно, что эти данные укладываются в теорию Норта и соавторов. Для рассуждений последних характерно использование концепта *доступа*, базируясь на котором они выделяют два типа обществ (или в авторской терминологии – *социальных порядков*): ограниченного и свободного доступа. Социальные порядки характеризуются тем, как общества создают институты, поддерживающие существование специфических форм человеческой организации, *способ*, которым общество ограничивает или открывает доступ к этим организациям при помощи стимулов, формируемых моделью организации. Эти характеристики социальных порядков также тесно связаны с тем, как общества ограничивают и контролируют насилие [11, р. 8–17].

Для того чтобы формальное правило – институт – сдерживало насилие, особенно насилие среди индивидов, не знающих друг друга лично (то есть в крупных сообществах), должна существовать определенная организация, в рамках которой ряд официальных лиц обеспечивает соблюдение правил безличным образом. Иными словами, формальные институты контролируют насилие только при существовании организации, способной обеспечить безличное соблюдение правил. Если в обществе развиваются большие группы, то возникновение некоторой формы социальных институтов для контроля над насилием неизбежно. Поскольку индивиды всегда имеют возможность конкурировать друг с другом за ресурсы или статус при помощи насилия, необходимым следствием ограничения использования насилия внутри социальной группы является установление ограничений конкуренции. Организацией, устанавливающей такое ограничение и контроль над манифестацией насилия, выступает государство.

Модель свободного доступа характеризуется политическим и экономическим развитием; экономикой, которая меньше страдает от отрицательного роста; сильным и динамичным гражданским обществом с большим числом организаций; более крупными и более децентрализованными правительствами; *распространением безличных социальных взаимоотношений*, включая верховенство права, защиту права собственности, справедливость и равенство. Модель ограниченного доступа характеризуется медленно растущими экономиками, чувствительными к потрясениям; политическим устройством, которое не основывается на общем согласии граждан; относительно небольшим числом организаций; менее крупными и более централизованными правительствами; господством личных связей и незащищенными правами собственности [12, р. 11–15].

В порядке ограниченного доступа или в естественном государстве личные отношения, в особенности личные отношения между властными индивидами, – то, кто кем является и кто кого знает, – составляют основу социальной организации и служат арендой для

взаимодействия людей. Естественные государства ограничивают способность индивидов формировать организации. Идентичность, которая в естественном государстве имеет глубоко личный характер, в порядках открытого доступа начинает определяться как *набор безличных характеристик*. В порядках второго типа доступ к организациям начинает определяться как безличное право, которым обладают все граждане. Естественные государства, напротив, ограничивают доступ к организациям и принуждение к исполнению соглашений со стороны третьих лиц. Большинство организаций, даже самых простых, опираются на принуждение к исполнению соглашений между членами организации или соглашений между организациями и другими акторами третьей стороной. Государство чаще всего обеспечивает такое принуждение, выступая в качестве третьей стороны. Открытый доступ к организациям – это важное и недооцененное различие между естественным государством и порядками открытого доступа.

Современные порядки открытого доступа часто ограничивают насилие при помощи институтов. Институты задают правила, которые напрямую сдерживают насилие, меняя издержки насильственного поведения, прежде всего путем установления наказаний за использование насилия. Люди более склонны подчиняться правилам, даже при значительных издержках для себя, если они считают, что другие также будут соблюдать правила [13, p. 213].

К сожалению, рассмотренные выше работы экономистов, антропологов и социальных философов представляют собой скорее анализ того, *что такое* насилие, но не *откуда* оно берется. Между тем феномен социального насилия по-разному проявляется не только в разные исторические эпохи, но и в обществах, стоящих на разных ступенях развития и *сосуществующих* в одно время. Следовательно, социальная структура общества (в первую очередь, иные институты, «обрамляющие» насилие) может быть лишь достаточным фактором для манифестации насилия. Что же в таком случае является необходимым?

Нам представляется, что ответ на данный вопрос может дать так называемая теория «youth bulge», или «молодежного пузыря». Согласно ей, в сообществах, в структуре которых доля молодежи до 24 лет составляет не менее 20 %, будут наблюдаться общая политическая нестабильность, склонность политических режимов к авторитаризму и государственные перевороты, сопровождаемые всплеском нелегитимного насилия по отношению к наиболее социально незащищенным слоям населения [14, p. 151–154].

«Пузырь» возникает не столько там, где много молодежи (как, например, в Китае) сколько там, где молодые люди вынуждены *конкурировать* между собой за получение доступа к престижным позициям и социальным статусам. Масштаб социальной системы также не имеет значения – «youth bulge» может происходить как на уровне общества в целом, так и, например, в диаспорах или общинах. При этом, правда, необходимо учитывать тот факт, что в небольших сообществах люди будут чаще контактировать друг с другом непосредственно, что может иметь вполне определенный психологический эффект. Даниэль Харт и соавторы провели исследование, которое показало, что подростки и несовершеннолетние в таких сообществах будут больше контактировать со своими сверстниками и находиться под преимущественным социализирующим воздействием с их стороны, нежели со стороны взрослых [15, p. 591–597].

Для более «мирного» участия молодежи в общественно-политической жизни стран «пузырей» на африканском материале были выработаны несколько рекомендаций: установить контакт между молодежью и политическими лидерами общин, проводить совместные мероприятия с политическими и этническими конкурентами (в том числе на племенном уровне), расширить участие женщин, запустить программы, обеспечивающие молодежное участие и т. п. Характерно, что некоторые страны Африки сохранили пережитки

родоплеменной стадии развития общества, и эти выводы подкреплены богатым антропологическим материалом [16, р. 1–6].

Молодежные исследования, проведенные в последние годы, выявили определенную корреляцию между уровнем экономического развития и проявлением социальной напряженности в неприемлемых формах (в виде нелегитимного насилия). Эти данные перекликаются с теоретическими построениями Норта о природе и назначении ренты в порядках ограниченного доступа. Систематическое создание ренты при помощи ограниченного доступа в естественном государстве – не просто средство набить карманы членов господствующей коалиции; это также важнейшее средство контроля насилия. Контроль над насилием зависит от структуры и поддержания взаимоотношений между влиятельными индивидами. Естественное государство снижает проблему распространения насилия путем создания господствующей коалиции, члены которой обладают особыми привилегиями. Ограничивая доступ к этим привилегиям только членами господствующей коалиции, элиты создают надежные стимулы сотрудничать, а не бороться друг с другом. Поскольку элиты знают, что насилие приведет к снижению их собственных рент, они имеют стимулы к тому, чтобы прекратить борьбу [17, р. 17–18].

Но в случае, если насилие нельзя сдержать, договоренности внутри господствующей коалиции (властвующей элиты) о прекращении борьбы будут нарушены, что, в свою очередь, приведет к учащению применения насилия в обществе. Поэтому требования молодежи доступа к организациям, которые в порядках ограниченного доступа нельзя выполнить, ведут к его насильственной смене. Увеличение численности молодежи здесь является спусковым крючком в механизме социальных преобразований. Шон Фокс и Кристиан Хельшер в своем недавнем исследовании 120 стран обнаружили, что в «гибридных» режимах (то есть сочетающих авторитарные и демократические черты) риск открытого проявления насилия наиболее велик. При наличии других факторов (бедность, этническая пестрота, социальное неравенство) насилие становится почти неизбежным [18, р. 13].

В такой ситуации его манифестация – дело рук многочисленной молодежи. При этом насилие проявляется в самых деструктивных формах – уличных беспорядках, политически мотивированном терроре и гражданских войнах. Характерно, что наличие большого числа детей и подростков не останавливает, а стимулирует национально-освободительные движения по всему миру к ведению более активных боевых действий. В ряде случаев это приводит к формированию так называемых детских армий, как это было, например, у Тамильских тигров. К концу 1990-х гг. в более чем 50 государствах мира в детских армиях служило порядка 300 000 солдат [19, р. 21].

Однако основная угроза заключается в опасности гражданской войны и городской герильи. На данный момент 60 из 67 крупнейших по численности наций, столкнувшихся с «youth bulge», пережили гражданские конфликты разной степени интенсивности: от массовых беспорядков до геноцида. Причем, вопреки распространенному мифу об исламской угрозе, взаимосвязи с религиозным фактором не прослеживается: лишь около половины этих стран имели мусульманское большинство или значительное меньшинство, остальные – христианские и даже буддистские страны [20, р. 36].

Говоря о причинах насилия, Генрик Урдал подчеркивает, что при возникновении больших когорт молодежи происходит «растягивание» социальных институтов (например, рынка труда), что влечет за собой неудовлетворение. Вот эта неудовлетворенность в сочетании с социальной свободой (то есть отсутствием семей и ответственности за кого-либо) и вызывает к жизни насилие в молодежной среде [21, р. 5]. В другой своей работе он описывает (в виде гипотез) условия, при которых возникает политически мотивированное насилие. Они включают в себя наличие «youth bulge», политическую зависимость,

низкие темпы экономического роста, быстрое распространение высшего образования, авторитарный характер режима и уровень урбанизации. Чем выше каждый из этих показателей, тем больше будет насилия [22, р. 611–615]. Отметим также, что каждое последующее условие усиливает предыдущее и на нем базируется, а ключевым здесь является наличие большого числа неурюстроенной молодежи.

Еще одно важное обстоятельство, с которым сталкиваются все страны, осуществляющие переход от закрытого к открытому обществу, – миграция. В первую очередь, это миграция трудовых ресурсов внутри страны из небольших населенных пунктов в города – центры индустриализации и модернизации. Города обезличивают контакты людей в силу массовости и деперсонификации самих контактов, то есть создают необходимое условие для перехода к порядкам свободного доступа. Но что еще важнее, они являются механизмом, адсорбирующим избыток сельского населения, особенно при высоком естественном приросте. Исследования Хэлен Вэр на материале государств Океании показали, что в странах с низкой урбанизацией (Соломоновы острова, Папуа – Новая Гвинея) и сильной эмиграцией нестабильность и насилие наблюдаются чаще, чем в странах с долей городского населения более 40 % и сильной внутренней миграцией из сел в города [23, р. 3–7]. Правда, нельзя забывать, что хотя город предоставляет больше *возможностей* и обеспечивает более высокий уровень жизни, этот уровень не растет постепенно, а резко и однократно меняется при переезде. В сочетании с отсутствием *самореализации* (то есть перехода возможностей в реальность в виде качественного образования, карьеры и т. д.) города могут превращаться в своеобразные накопители социальной агрессии и выплескивать ее в самый непредсказуемый момент в виде неконтролируемого насилия.

Интересно отметить, что в переходных обществах нелегитимное насилие часто принимает форму терроризма и в определенном смысле похоже на насилие в примитивных племенах. Как показали выше рассмотренные работы антропологов, в архаичных обществах насилие часто носит *ритуальный* или *символический* характер. Истинным объектом насильственных действий является не тот, на кого они направлены. Чаще всего им выступает общество. Например, в случае необходимости изолировать одного из членов племени от сородичей, его убивают или изгоняют. Здесь объектом (т. е. тем на кого направлено действие и от кого ожидают определенной эффективной реакции) является скорее общество, нежели тот самый изолируемый индивид.

Схожая ситуация наблюдается при осуществлении терактов. Объектом воздействия является общество или его часть (например, административно-управленческий аппарат), хотя с насилием непосредственно сталкиваются либо военные, либо невинное гражданское население. В широком смысле терроризм – это «незаконное использование силы или насилия против лиц или имущества для устрашения или принуждения правительства, гражданского населения или их составляющих в политических или социальных целях» [24, р. 72]. То есть терроризм органически связан с давлением на власть, основанным на физической угрозе.

Другой важный аспект, делающий терроризм эффективным, – его принципиальная *непредсказуемость* [25, р. 68]. Это важное отличие от насилия вообще, поскольку оно ожидаемо и *прогнозируемо*. Конечно, эксперты могут говорить об определенных прогнозах активности *террористических организаций*, но в отношении отдельных террористов это почти невозможно. Именно поэтому акции одиночек наносят наибольший урон безопасности.

Главной причиной «успешности насилия» может быть социальный коллапс, точнее, его последствия, – неслучайно же всплеск террористической активности мы наблюдаем в так называемых «failed states», несостоявшихся государствах, которые находятся в ста-

дии распада и дезинтеграции. Общество, пережившее столь мощный кризис, характеризуется следующими чертами:

- падение авторитета центральной администрации и власти вообще, снижение военной мощи и отдельные восстания в отдаленных провинциях;
- постепенная дезинтеграция и неэффективность управления, даже если правительство располагает необходимыми рычагами влияния;
- «зонтик законности» не защищает население от «дождя беззакония», а уполномоченные лица не справляются с поддержанием правопорядка;
- публичное пространство преобразуется в частное [26, р. 32–33].

Нелегитимное насилие работает по принципу положительной обратной связи – чем его больше, тем активнее сопротивление, что ведет к эскалации напряженности и окончательному развалу государства. Этот путь недавно прошли Палестина, Афганистан, Сомали; коррупция, террор, безвластие в них – *следствие*, а не *причина* слабости государства.

Причина, как представляется, в том, что при отсутствии транспарентных для всех социальных слоев «правил игры», соблюдать которые вынужден каждый, выигрывает тот, кто первым нарушает правила. Подобное иррациональное поведение игроков, изученное в рамках так называемой «теории драмы», показало, что нарушение устоявшихся правил (получившее название *творческая рациональность*) способствует сохранению эффективности действий в нестабильных ситуациях (например, при распаде государства) и выработке решений, оптимальных для всех [27, р. 101]. Вот почему при определенных обстоятельствах «инвестиции» в насилие окупаются.

Ссылки:

1. Смелзер Н. Социология : пер. с англ. М., 1994.
2. Корнейчук Б.В. Институциональная экономика : учеб. пос. для вузов. М., 2007.
3. Давыдов А.А. Системная социология. М., 2006.
4. Смелзер Н. Указ. соч.
5. Жижек С. О насилии. М., 2010.
6. North D.C. Institutions, institutional change, and economic performance. New York, 1990.
7. Kelly R.L. The foraging spectrum: Diversity in hunter-gatherer lifeways. Washington, DC, 1995.
8. Betzig L., Dentan R.K., Knauff B.M., Otterbein K.F. On Reconsidering Violence in Simple Human Societies // Current Anthropology. 1988. Vol. 29. № 4.
9. Albert B. Yanomami «Violence»: Inclusive Fitness or Ethnographer's Representation? // Current Anthropology. 1989. Vol. 30. № 5.
10. Knauff B.M., Daly M., Wilson M., Donald L. at all. Reconsidering Violence in Simple Human Societies: Homicide among the Gebusi of New Guinea // Current Anthropology. 1987. Vol. 28. № 4.
11. Норт Д. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности : докл. к XIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3–5 апр. 2012 г. / Д. Норт [и др.] ; пер. с англ. М. Дондуковского и Е. Леонтьевой ; под науч. ред. А. Яковлева и Л. Полищука. М., 2012.
12. North D.C., Wallis J.J., Waingast B.R. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge, 2009.
13. Levi M. Consent, dissent, and patriotism. New York, 1997.
14. Fuller G. The Demographic Backdrop to Ethnic Conflict: A Geographic Overview // The Challenge of Ethnic Conflict to National and International Order in 1990's. Washington, 1995.
15. Hart D., Atkins R., Markey P., Youniss J. Youth Bulges in Communities: The Effects of Age Structure on Adolescent Civic Knowledge and Civic Participation // Psychological Science. 2004. Vol. 15. № 9.
16. Shari B. The Youth Bulge in Africa: Opportunities for Constructive Engagement in the Political Process. National Democratic Institute, 2010.
17. North D.C., Wallis J.J., Waingast B.R. Op. cit.
18. Fox S., Hoelscher K. Political Order, Development and Social Violence. A cross-country study. London, 2011.
19. Heinson G. Soehne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen, Zuerich, 2006.
20. Ibid.
21. Urdal H. The Devil in the Demographics: The Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950–2000 // Social Development Papers. Conflict prevention and reconstruction, Washington: World Bank. 2004. № 14.
22. Urdal H. A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence // International Studies Quarterly. 2006. № 50.

23. Ware H. Pacific instability and youth bulges: the devil in the demography and the economy // 12th Biennial Conference of the Australian Population Association, Canberra, 15–17 September 2004.
24. Coady C.A.J. Was ist Terrorismus? // Terror und der Krieg gegen ihn. Uffentliche Reflexionen. Ed. G. Meggle. Paderborn, 2003.
25. Stolzenberg J. Terrorism, War and Peace // Proceedings of International Congress for War and Peace: Florianópolis. 2006. Vol. 5. № 1.
26. Tainter J.A. The Collapse of Complex Societies, Cambridge, 1988.
27. Manifesto for a Theory of Drama and Irrational Choice / N. Howard, P.R. Bennet, J.W. Bryant and M. Bradley // Journal of Operational Research Society. 1992. Vol. 44.

References (transliterated):

1. Smelzer N. Sotsiologiya : transl. from English. M., 1994.
2. Korneychuk B.V. InstitutSIONal'naya ekonomika : manual for universities.. M., 2007.
3. Davydov A.A. Sistemnaya sotsiologiya. M., 2006.
4. Smelzer N. Op. cit.
5. Zhizhek S. O nasilii. M., 2010.
6. North D.C. Institutions, institutional change, and economic performance. New York, 1990.
7. Kelly R.L. The foraging spectrum: Diversity in hunter-gatherer lifeways. Washington, DC, 1995.
8. Betzig L., Dentan RK, Knauff BM, Otterbein KF On Reconsidering Violence in Simple Human Societies // Current Anthropology. 1988. Vol. 29. № 4.
9. Albert B. Yanomami «Violence»: Inclusive Fitness or Ethnographer's Representation? // Current Anthropology. 1989. Vol. 30. № 5.
10. Knauff B.M., Daly M., Wilson M., Donald L. at all. Reconsidering Violence in Simple Human Societies: Homicide among the Gebusi of New Guinea // Current Anthropology. 1987. Vol. 28. № 4.
11. Nort D. V teni nasiliya: uroki dlya obshchestv s ogranichennym dostupom k politicheskoy i ekonomicheskoy deyatel'nosti : dokl. k XIII Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 3–5 apr. 2012 g. / D. Nort [i dr.] ; transl. from English. M. Dondukovskogo i E. Leont'evoy ; under sci. ed. of A. Yakovlev and L. Polishchuk. M., 2012.
12. North D.C., Wallis J.J, Waingast B.R. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge, 2009.
13. Levi M. Consent, dissent, and patriotism. New York, 1997.
14. Fuller G. The Demographic Backdrop to Ethnic Conflict: A Geographic Overview // The Challenge of Ethnic Conflict to National and International Order in 1990's. Washington, 1995.
15. Hart D., Atkins R., Markey P., Youniss J. Youth Bulges in Communities: The Effects of Age Structure on Adolescent Civic Knowledge and Civic Participation // Psychological Science. 2004. Vol. 15. № 9.
16. Shari B. The Youth Bulge in Africa: Opportunities for Constructive Engagement in the Political Process. National Democratic Institute, 2010.
17. North D.C., Wallis J.J, Waingast B.R. Op. cit.
18. Fox S., Hoelscher K. Political Order, Development and Social Violence. A cross-country study. London, 2011.
19. Heinson G. Soehne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen, Zuerich, 2006.
20. Ibid.
21. Urdal H. The Devil in the Demographics: The Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950–2000 // Social Development Papers. Conflict prevention and reconstruction, Washington: World Bank. 2004. № 14.
22. Urdal H. A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence // International Studies Quarterly. 2006. № 50.
23. Ware H. Pacific instability and youth bulges: the devil in the demography and the economy // 12th Biennial Conference of the Australian Population Association, Canberra, 15–17 September 2004.
24. Coady C.A.J. Was ist Terrorismus? // Terror und der Krieg gegen ihn. Uffentliche Reflexionen. Ed. G. Meggle. Paderborn, 2003.
25. Stolzenberg J. Terrorism, War and Peace // Proceedings of International Congress for War and Peace: Florianópolis. 2006. Vol. 5. № 1.
26. Tainter J.A. The Collapse of Complex Societies, Cambridge, 1988.
27. Manifesto for a Theory of Drama and Irrational Choice / N. Howard, P.R. Bennet, J.W. Bryant and M. Bradley // Journal of Operational Research Society. 1992. Vol. 44.